

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2025, Том 8, № 3 / 2025, Vol. 8, Iss. 3 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)
УДК 347.736

Эволюция института субсидиарной ответственности в российском банкротном праве: от концепции к практике применения

¹ Панин А.Ю.,
¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в статье исследуется процесс эволюции института субсидиарной ответственности в российском праве о банкротстве. Основное внимание уделено переходу от общей гражданско-правовой конструкции, закрепленной в статье 56 Гражданского кодекса Российской Федерации, к нормативно детализированной системе, сформированной в результате правовой реформы 2017 года. Цель исследования заключается в выявлении ключевых этапов становления правового регулирования субсидиарной ответственности, анализе законодательных и доктринальных подходов к определению круга контролирующих лиц, а также в оценке особенностей практического применения обновленных норм.

В рамках поставленной задачи проанализированы положения главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и их интерпретация в судебной практике. Особое внимание уделяется условиям привлечения к ответственности, роли презумпций, распределению процессуального бремени доказывания, а также пределам правовой допустимости расширитального толкования института. Отдельно рассматриваются процессуальные аспекты подачи заявлений и соблюдения сроков.

Результаты исследования могут быть использованы в правоприменительной деятельности арбитражных управляющих, судов, а также в нормотворчестве, направленном на дальнейшую оптимизацию механизма ответственности контролирующих должника лиц в процедурах банкротства. Выводы исследования могут быть практически полезны в сфере корпоративного управления и интересны для научных разработок, связанных с механизмами правового реагирования на несостоятельность.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, несостоятельность, банкротное право, контролирующие должника лица

Для цитирования: Панин А.Ю. Эволюция института субсидиарной ответственности в российском банкротном праве: от концепции к практике применения // International Law Journal. 2025. Том 8. № 3. С. 38 – 43.

Поступила в редакцию: 7 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 марта 2025 г.; Принята к публикации: 22 апреля 2025 г.

The evolution of the institution of subsidiary liability in Russian bankruptcy law: from concept to application practice

¹ Panin A.Yu.,
¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article examines the process of evolution of the institution of subsidiary liability in Russian bankruptcy law. The main attention is paid to the transition from the general civil law structure enshrined in Article 56 of the Civil Code of the Russian Federation to the normatively detailed system formed as a result of the legal reform of 2017. The purpose of the study is to identify the key stages in the formation of the legal regulation of sub-

sidiary liability, to analyze legislative and doctrinal approaches to determining the circle of controlling persons, as well as to assess the specifics of the practical application of the updated standards.

Within the framework of the task, the provisions of chapter III.2 of Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" and their interpretation in judicial practice are analyzed. Special attention is paid to the conditions of prosecution, the role of presumptions, the distribution of the procedural burden of proof, as well as the limits of the legal permissibility of an extended interpretation of the institution. The procedural aspects of submitting applications and meeting deadlines are considered separately.

The results of the study can be used in the law enforcement activities of arbitration managers, courts, as well as in rulemaking aimed at further optimizing the mechanism of responsibility of persons controlling the debtor in bankruptcy proceedings. The findings are of interest both for scientific doctrine and for the practice of corporate governance and anti-crisis regulation.

Keywords: subsidiary liability, insolvency, bankruptcy law, persons controlling the debtor

For citation: Panin A.Yu. The evolution of the institution of subsidiary liability in Russian bankruptcy law: from concept to application practice. International Law Journal. 2025. 8 (3). P. 38 – 43.

The article was submitted: January 7, 2025; Approved after reviewing: March 6, 2025; Accepted for publication: April 22, 2025.

Введение

Нормативная база банкротства в России эволюционировала от простой модели перераспределения рисков к многоуровневой системе, учитывающей специфику экономических связей между должниками и кредиторами. В этих условиях институт субсидиарной ответственности начал использоваться как инструмент, позволяющий устраниить правовой разрыв между ограниченной ответственностью и реальными последствиями несостоительности. Нормативные изменения в регулировании субсидиарной ответственности отражают переход от общих положений к четко структурированной и применимой на практике системе. В условиях глобальных кризисов, санкционного давления и нестабильности финансовых потоков, банкротство перестает быть исключительной ситуацией – оно становится массовым явлением, требующим от государства создания действенных компенсаторных механизмов. Такой переход указывает на трансформацию института субсидиарной ответственности: от деликтной модели – к комплексному правовому инструменту, встроенному в политику обеспечения устойчивости оборота.

Особую значимость представляет анализ правовой реформы 2017 года, в рамках которой глава III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоительности (банкротстве)» [3] (далее – Закон о банкротстве) была дополнена детализированными положениями о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Законодатель закрепил объективные критерии контроля, установил презумпции вины и предусмотрел процессуальные механизмы защиты интересов добросовестных участников. Эта реформа стала переломным этапом в развитии рассматриваемого института.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы ранее действующие нормативно-правовые акты и актуальное законодательство, регулирующее отношения в сфере субсидиарной ответственности в делах о банкротстве, а также связанные с ним положения законодательства о юридических лицах. Дополнительно проанализированы разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [4].

Методологическую основу исследования составили как общеначальные, так и специально-юридические методы. Применен историко-правовой метод для выявления этапов развития института, сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод – для анализа действующих норм, их структуры, содержания и внутренней логики.

Результаты и обсуждения

Исторические основы субсидиарной ответственности в отечественном праве восходят к общим положениям гражданско-правовой доктрины об ограничении имущественной ответственности юридических лиц и допустимости ее преодоления при наличии особых условий. Применительно к российскому законодательству соответствующие положения нашли выражение в статье 56 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1].

Согласно части 3 данной статьи, в случае, если имущества юридического лица недостаточно для исполнения обязательств, к ответственности по его долгам могут быть привлечены его участники (учредители), собственник имущества либо иные лица, способные давать обязательные указания или фактически определять его поведение, при условии, что их действия или бездействие послужили причиной банкротства организации. Норма сформулирована таким образом, что допускает как прямое влияние, так и опосредованное воздействие на экономическое поведение организации со стороны контролирующего субъекта [8, с. 95].

Становление института субсидиарной ответственности в специфическом контексте банкротного законодательства произошло значительно позже. Закон Российской Федерации от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [2] (утратил силу) не содержал комплексной регламентации субсидиарной ответственности, ограничиваясь общими ссылками на необходимость возмещения убытков лицами, виновными в доведении до банкротства. Лишь с принятием Закона о банкротстве, в его последующих редакциях стали вырабатываться более четкие механизмы привлечения к ответственности лиц, обладающих признаками контроля над должником.

Однако до реформы 2017 года конструкция оставалась лаконичной и дискуссионной: отсутствовали как исчерпывающий перечень субъектов, подлежащих привлечению, так и четкие условия наступления ответственности. На протяжении 2000-х годов суды нередко прибегали к применению нормы статьи 10 ГК РФ, запрещающей злоупотребление правом, в совокупности со статьей 56 ГК РФ и общими положениями закона о банкротстве, формируя прецеденты, в которых инициаторами субсидиарной ответственности выступали арбитражные управляющие или конкурсные кредиторы. Однако такая практика отличалась нестабильностью: наличие причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и банкротством должника зачастую устанавливалось в результате сложной и неоднородной оценки фактических обстоятельств дела. Ранняя стадия развития института в российской юрисдикции характеризовалась тем, что фактически действовал только общий деликтный подход, при котором кредиторы были вынуждены доказывать вину, причинение вреда и наличие ущерба в рамках сложных гражданско-правовых процедур [5, с. 255].

Уже в абзаце втором пункта 3 статьи 56 ГК РФ была закреплена конструкция, впоследствии реализованная в главе III.2 Закона о банкротстве. Уже в тот период в норме была сформулирована презумпция, допускающая привлечение к субсидиарной ответственности не только лиц, формально участвующих в управлении, но и иных субъектов, фактически определяющих поведение юридического лица, при одновременном наличии двух признаков: недостаточности активов должника и виновности контролирующего лица в наступлении его несостоятельности. Однако в условиях отсутствия специальной процессуальной базы такая конструкция оставалась неэффективной.

В то же время в российской правовой доктрине того периода формировалось обоснование необходимости «срыва корпоративной вуали», то есть игнорирования формальной оболочки юридического лица для выявления реального носителя воли и ответственности. В условиях правовой неопределенности суды стремились установить не просто номинальную принадлежность должностного положения, но фактическое влияние лица на принятие решений, включая его участие в формировании убыточной стратегии поведения должника или искажении бухгалтерской отчетности.

В результате до реформы 2017 года институт субсидиарной ответственности в делах о банкротстве был фрагментарный, прецедентный характер, базировался на совокупности общих норм и судебных интерпретаций, не обладая необходимым уровнем нормативной детализации. Это препятствовало формированию стабильной правоприменительной практики и порождало высокий уровень правовой неопределенности. Указанные обстоятельства и обусловили необходимость глубокой законодательной трансформации, направленной на институционализацию и процедурную конкретизацию ответственности контролирующих лиц [11, с. 293].

Законодательные изменения, вступившие в силу в 2017 году, ознаменовали собой качественно новый этап в развитии института субсидиарной ответственности в российском праве. Центральным элементом реформы стало включение в Закон о банкротстве главы III.2, посвященной основаниям и процедуре привлечения к ответственности лиц, контролирующих должника. Тем самым ранее разрозненные и прецедентные подходы правоприменения получили нормативную систематизацию, охватывающую как материальные, так и процессуальные аспекты механизма.

К числу ключевых новелл главы III.2 следует отнести законодательное определение круга субъектов, обладающих признаками контроля. Часть 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве определяет, что к числу контролирующих должника лиц относится то лицо, которое на протяжении трех лет до начала процедуры банкротства либо после ее открытия обладало правом выдавать обязательные для должника указания или фактически влияло на его действия, включая принятие ключевых управленческих решений посредством

определяющего воздействия. Указанная норма охватывает как юридическую, так и фактическую форму контроля, что позволило судам расширить рамки анализа экономического поведения заинтересованных субъектов. Установление временного критерия в три года направлено на снижение риска ретроспективного уклонения от ответственности, включая вывод активов или структурные изменения в управлении.

Существенным элементом реформы стало введение опровергимых презумпций контроля, изложенных в пункте 2 статьи 61.10 Закона о банкротстве. Так, к числу таких презумпций отнесены, в частности, наличие права распоряжаться более чем 50 процентами голосующих акций (долей) должника, выполнение функций единоличного исполнительного органа или членство в органах управления, а также извлечение выгоды из недобросовестного или неразумного поведения контролирующих лиц. Указанные презумпции существенно смещают бремя доказывания на потенциального ответчика, что, с одной стороны, усиливает позицию кредиторов, а с другой – требует от лиц, вовлеченных в управление, повышенного уровня правовой осмотрительности [6, с. 110].

Особо следует отметить положение статьи 61.11 Закона о банкротстве, в которой закреплены материально-правовые основания ответственности. Пункт 1 указанной статьи устанавливает, что контролирующее должника лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности по его обязательствам в случае, если действия либо бездействие этого лица привели к невозможности полного удовлетворения требований кредиторов. При этом необходимо доказать наличие как связи между поведением такого лица и возникновением финансовой несостоятельности, так и факта недостаточности имущества должника для расчетов с кредиторами. В то же время в статье не конкретизируется степень вины, что позволило правопримениителю в ряде случаев интерпретировать основания ответственности через объективную категорию риска, сопровождающего участие в управлении хозяйствующим субъектом [10, с. 79].

Процессуальный порядок привлечения к ответственности закреплен в статье 61.14 Закона о банкротстве. На основании содержания данной статьи право на обращение с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности предоставлено арбитражному управляющему (как по его собственной инициативе, так и по решению собрания кредиторов), кредиторам, включенным в конкурсную массу, представителю трудового коллектива, а также сотрудникам (в том числе бывшим), перед которыми у должника имеется задолженность, и уполномоченным государственным органам. Заявление рассматривается в рамках дела о банкротстве, за исключением случаев, предусмотренных законом, и подлежит рассмотрению по правилам, установленным арбитражным процессуальным законодательством. Включение процедуры в рамки банкротного дела позволяет избежать произвольного вмешательства и обеспечить процессуальную определенность при рассмотрении подобных заявлений [7, с. 22].

Наряду с указанными положениями, нормативное значение приобрела статья 61.13 Закона о банкротстве, предусматривающая возможность привлечения к ответственности нескольких контролирующих лиц, действовавших совместно или независимо. Учитывая сложную корпоративную структуру многих должников, подобный подход позволяет гибко распределять объем ответственности с учетом степени участия и временного фактора. Кроме того, закон допускает предъявление регрессных требований между лицами, признанными субсидиарно ответственными, что в перспективе может стимулировать развитие корпоративных механизмов управления рисками [9, с. 190].

Дополнительную нормативную силу получила статья 61.20, устанавливающая презумпцию вины руководителя должника при непередаче документации арбитражному управляющему. В таких случаях наличие вреда presupponiertur, а контролирующее лицо освобождается от ответственности лишь при наличии доказательств непричастности к утрате или сокрытию документов.

Понятие контролирующего лица, закрепленное в статье 61.10 Закона о банкротстве, охватывает как лиц, имеющих право давать обязательные указания, так и тех, кто фактически влияет на действия должника, включая через определяющее участие в управлении или извлечение выгоды из недобросовестного поведения других лиц. Установленные презумпции контроля носят опровергимый характер и позволяют применять гибкий подход при квалификации, однако их универсализация при отсутствии точных критериев порождает значительные правоприменительные риски.

Статья 61.11 связывает привлечение к ответственности с действиями (бездействием) контролирующего лица, повлекшими невозможность полного удовлетворения требований кредиторов. Тем не менее в судебной практике наблюдается тенденция к формальному признанию контроля при минимальном уровне доказанности, что приводит к подмене индивидуальной оценки обстоятельств презумпционным подходом. Учитывая изложенное, представляется целесообразным нормативно ограничить возможность применения субсидиарной ответственности в случае отсутствия прямой причинной связи между действиями субъекта и наступлением банкротства. В этой связи предлагается дополнить статью 61.11 Закона о банкротстве указа-

нием на необходимость установления не только формального признака контроля, но и доказанного влияния на финансово-хозяйственные решения должника, имевшего значимые последствия для кредиторской массы. Такой подход обеспечит баланс между интересами защиты оборота и недопустимостью произвольного возложения имущественного бремени.

Выводы

Ретроспективный и системный анализ исследуемого института позволяет сформулировать следующие выводы. Современное регулирование субсидиарной ответственности в российском банкротном праве означает переход к практической реализации правовых норм, обеспечивающих предсказуемость и обоснованность привлечения к ответственности. После 2017 года институт субсидиарной ответственности приобрел устойчивую нормативную структуру, что способствовало выработке единых ориентиров для судебной практики. Законодательно закрепленные презумпции, процедурные рамки и категории контролирующих лиц расширили инструментарий взыскания в условиях недостаточности имущества должника.

Даже после реформы 2017 года остаются нерешенными ключевые вопросы, касающиеся границ допустимого толкования контроля и объема ответственности. Открытыми остаются вопросы доктринальной трактовки контроля, допустимых пределов ответственности и допустимости универсализации оснований ее наступления. Сохраняющийся дисбаланс между интересами кредиторов и принципом индивидуальной ответственности свидетельствует о потребности в дальнейшем осмыслении границ применения института.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г., с изм. от 31 окт. 2024 г.) // Российская газета. 1994. 8 дек. № 238-239.
2. О несостоятельности (банкротстве) предприятий: закон РФ от 19 нояб. 1992 г. № 3929-1 (утратил силу) // Российская газета. 1992. 30 дек. № 279.
3. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 26 дек. 2024 г.) // Российская газета. 2002. 2 нояб. № 209-210.
4. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2017 г. № 53 // Российская газета. 2017. 29 дек. № 297.
5. Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского ун-та. Юрид. науки. 2020. № 48. С. 248 – 273.
6. Ефименко А.Э. О формировании и развитии законодательства в отношении гражданско-правовой ответственности контролирующих должника лиц // Право и практика. 2021. № 3. С. 107 – 112.
7. Кротова Е.В. Субсидиарная ответственность в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2020. 231 с.
8. Ломакин Д.В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестн. граждан. права. 2020. Т. 20. № 1. С. 93 – 110.
9. Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5. С. 187 – 191.
10. Овсянников В.И. Эволюция и применение субсидиарной ответственности: историко-правовой анализ // Закон и власть. 2024. № 3. С. 77 – 80.
11. Титов М.В. Понятие бенефициарного владельца при банкротстве в законодательстве и судебной практике // Юрид. наука. 2024. № 11. С. 291 – 295.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part 1: federal law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024). Rossiyskaya Gazeta. 1994. December 8, No. 238-239.
2. On insolvency (bankruptcy) of enterprises: law of the Russian Federation of November 19, 1992 No. 3929-1 (no longer in effect). Rossiyskaya Gazeta. 1992. December 30, No. 279.
3. On insolvency (bankruptcy): federal law of October 26, 2024. Rossiyskaya Gazeta. 2002, No. 127-FZ (as amended on December 26, 2024). Rossiyskaya Gazeta. 2002. November 2, No. 209-210.
4. On Some Issues Related to Bringing Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017, No. 53. Rossiyskaya Gazeta. 2017. December 29, No. 297.
5. Golubtsov V.G. Subsidiary Liability of Persons Controlling the Debtor: Evolution of Legislative Approaches. Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2020. No. 48. P. 248 – 273.

6. Efimenko A.E. On the formation and development of legislation regarding the civil liability of persons controlling the debtor. Law and Practice. 2021. No. 3. P. 107 – 112.
7. Krotova E.V. Subsidiary liability in Russian civil law: dis. ... Cand. of Law. Vladivostok, 2020. 231 p.
8. Lomakin D.V. The principle of independent liability of a legal entity: rule and exceptions. Bulletin of civil law. 2020. Vol. 20. No. 1. P. 93 – 110.
9. Miftakhutdinov R.T. Evolution of the institution of subsidiary liability in bankruptcy: causes and consequences of legal reform. Law. 2018. No. 5. P. 187 – 191.
10. Ovsyannikov V.I. Evolution and application of subsidiary liability: historical and legal analysis. Law and power. 2024. No. 3. P. 77 – 80.
11. Titov M.V. The concept of a beneficial owner in bankruptcy in legislation and judicial practice. Legal science. 2024. No. 11. P. 291 – 295.

Информация об авторе

Панин А.Ю., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия,
alexander.y.panin@yandex.ru

© Панин А.Ю., 2025